

С. Б. Никонова³**ПАРАДОКСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР: ЭТНОГРАФИЯ И ФЕНОМЕН «ДРУГОГО»**

Основанием постановки проблемы диалога культур являются глобализационные и универсализационные процессы, происходящие в современном мире, с преобладанием западного образца. Возможность диалога культур рассматривается как альтернатива вестернизации.

Но сам принцип диалогичности тесно связан со структурой западной мысли: в рамках других культур он, возможно, просто не мог бы возникнуть. Это ставит серьезную моральную проблему перед тем, кто ратует за сохранение культурного многообразия, но противится стратегии изоляционизма.

Рассмотрим проблемы и парадоксы, возникающие в этом контексте, на примере исследовательской практики, развившейся в рамках европейского научного знания, но направленной на изучение и сохранение многообразия культурного наследия разных народов, — практики этнографического исследования. Подобный род исследования оказался одним из тех мостов, которые привели европейскую мысль от всеохватности применения естественно-научного метода в сферу гуманитарного знания.

В конце XIX века Н. Н. Миклухо-Маклай следующим образом объяснял выбор в качестве сферы своего исследования человеческих обычаев, а не естествен-

ного мира: «Те же райские птицы и бабочки будут летать на Новой Гвинее даже в далеком будущем, и собирание их будет восхищать зоолога; те же насекомые постепенно наполнят его коллекции. Между тем как, почти наверное, при повторенных сношениях с белыми не только нравы и обычаи теперешних папуасов исказятся, изменятся и забудутся, но может случиться, что будущему антропологу придется разыскивать чистокровного папуаса в его примитивном состоянии в горах Новой Гвинее, подобно тому как я искал орансакай и оран-семанг в лесах Малайского п-ва»⁴. Общение с белыми пришельцами неизбежно изменит жизнь туземных народов, даже если это общение с исследователем, не говоря уже о контактах с более грубыми экономическими и политическими силами.

Кроме того, заслуживает внимания следующая фраза: «В непродолжительном, быть может, времени, вследствие развития торговли в Тихом океане жители берега Маклая войдут в сношения с другими народами, и тогда *их примитивность вполне исчезнет, а вместе с тем исчезнет большая часть того научного интереса, который представляют дикари в их первобытном состоянии*»⁵ (курсив мой. — С. Н.).

Это высказывание выражает внутреннюю двойственность научного этнографического интереса. Здесь содержится немалое еще незадолго до описываемых событий признание равенства «дикарей» и европейцев: о нем свидетельствует указание на легкость, с которой они наверняка смогут перенять принципы столкнувшейся с ними новой цивилизации.

⁴ Миклухо-Маклай Н. Н. Сообщение о путешествиях, сделанное в Русском географическом обществе в 1882 г. // Путешествия на берег Маклая. М., 2011. С. 350.

⁵ Там же. С. 349.

³ Заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП по учебной работе, кандидат философских наук, доцент. Автор более 70 статей в научных изданиях, в т. ч.: «Логические основания толерантности», «Нарратив: описание истории или самосознание историка?», «К проблеме кризиса и трансформации в современной культуре: варианты теоретического осмысления» и др.; монографии «Эстетическая рациональность и новое мифологическое мышление».

Но это также признание всепоглощающего превосходства последней. Кульминацией превосходства оказываются сетования на неизбежную утрату соблазнительного для нее предмета исследования. Моральное требование вступить в продуктивное общение с представителем другой культуры и обогатить его своими достижениями, обогащаясь также и его достижениями (потому что едва ли можно отрицать, что знакомство с другими культурами оставило европейскую жизнь совершенно неизменной), или моральное требование интерессубъективности вступают в конфликт с объективным интересом ученого, не желающего терять столь привлекательный для исследования *объект*.

В то же время и само желание оставить объект нетронутым, не повредить его самобытности своим наблюдением составляет моральное требование. Но оно вновь подчеркивает превосходство исследуемой культуры над исследуемой. Это утверждение превосходства культуры, внутренней сутью которой является исследовательский интерес не только к самой себе, но и ко всему, отличному от нее. Превосходство происходит из единственного факта: по природе своей исследователи, мы можем понять любую другую культуру, она же нас — нет. До тех пор, конечно, пока не станет такой же, как наша. А равенство состоит в том, что другая культура признается *способной* стать такой же, как наша, и исчезнуть при этом, как она сама.

Итак, птицы и бабочки не изменятся, по крайней мере настолько, чтобы это стало немедленно значимым для зоологии. Но любые контакты между разумными существами меняют их мгновенно и необратимо, и по мере накопления изменений желанный «другой» перестает быть прежним «другим», и мы видим перед собой совсем не тот объект, что раньше. Диалог, в который вступают разумные существа, препятствует возможности установления естественно-научного отношения между субъектом и объектом.

Межкультурные контакты существовали всегда, но они были губительны для той культуры, которая оказывалась слабее в военном, техническом и даже в мировоззренческом отношении. Потому что более слабый «другой» рассматривался не более чем как чужак, варвар, не обладающий должными знаниями, живущий ложными ценностями и погрязший в заблуждении, которое в крайнем случае должно быть исправлено, а в более общем — уничтожено. Никто не проявлял интереса к сохранению чужих ценностей. И в то же время это грубое и насильственное отношение удивительным образом долгое время способствовало сохранению многообразия культур в самобытном состоянии! И именно та традиция, которая столь проникновенно задумалась о самобытности «другого» и его сохранении, практически тотально и неуклонно универсализировала мир по собственному образцу.

Но не следует ли признать, что в этом образце действительно есть нечто ценное для всех: нечто, что позволяет наладить общение между людьми не как между «своими» и «чужими», не как между «исследователем» и «объектом», но как между равными, рационально мыслящими субъектами?

Сетования на упадок культурного многообразия и утрату, по известному выражению К. Н. Леонтьева, «цветущей сложности» в едином пространстве коммуникации неслучайны. Они выливаются во все более интенсивные разговоры о возможности развития национального и этнического самосознания. Но и тезис о национальном самосознании порожден европейской субъективистской культурой. Нужно признать прозорливость опасения, сформулированного Миклухо-Маклаем: любые попытки сохранить самобытность культур, их обычаи, традиции, языки, ремесла — как исходящие от европейских исследователей — препятствуют закономерной логике развития рационального диалога. Ведь мы снова сталкиваемся с противоречием моральных требований. Требование оставить «другого» как он есть, отвернуться препятствует диалогу, вниманию к «другому» как к рациональному существу. Оно заставило бы нас покинуть его как нечто чуждое, отказать в своем общении и помощи ради сохранения его в качестве объекта. А требование вступить в диалог и поделиться теми достижениями, которые могли бы быть понятны и полезны ему как мыслящему существу, ведет к его трансформации под влиянием этого диалога.

Можно сказать, что трансформация под воздействием диалога с «другим» оказалась внутренней потребностью и принципом европейской культуры. Но, обращаясь к «другому», который отличен от нее именно тем, что для него изначально чужд этот принцип диалогичности, она вынуждает и «другого» перестать быть другим, вовлекаясь в трансформацию. Будучи рациональным существом, он легко принимает диалогический интерес. Причем этот процесс оказывается странным образом неизбежен даже в том случае, когда «другой» пытается активно противостоять влиянию. Уже само соприкосновение с новым принципом вынуждает осмыслить выбор: вести диалог или вступать в конфронтацию. Возможность диалога оказывается неизбежной границей культурной самобытности.

Даже оставляя в стороне негативные и грубые стороны европейской экспансии, ограничиваясь лишь исследовательским интересом, подобным маклаевскому, мы не можем избежать осуществления сформулированного им страха. Процесс исследовательского вторжения оказывается необратимым. А страсть к сохранению культурной самобытности воплощается лишь в форме консервации и музеефикации.

Что могло бы противостоять этому пессимистическому сценарию? Возможно, опасность исходит из представления о функции научного знания в структуре современного мира. С одной стороны, гуманитарное знание, ведущее нас к признанию принципа диалога, продолжает сохранять статус науки. С другой стороны, именно научный подход, предполагающий исследование *объекта*, рассматривается в качестве создающего наиболее адекватную картину мира. Но субъект-объектное деление подвергается резкой критике внутри самой западной мысли. В то же время в этнографическом исследовании содержится нечто большее, чем то, что предполагается традиционным представлением о науке, — это практика диалогического общения.

Гуманитарная сфера — это в первую очередь сфера практики, в которой сталкиваются и осуществляются индивидуальные усилия конкретных людей.

В этнографическом исследовании наряду с информацией и классификацией полученных данных присутствует конкретное усилие по установлению контакта с другими людьми в попытке понимания удивительных особенностей их поведения по отношению к нам и на-

шего — по отношению к ним. И даже при стирании в исследовании объективных культурных различий индивидуальные различия, выявляемые в процессе диалога (если этот диалог действительно будет установлен и заменит собой попытки механического отношения к другому как к объекту, пусть даже в высшей степени интересному), смогут породить новую «цветущую сложность» в пространстве гуманитарного знания.